

Введение.

В период с 1649 по 1666 гг. черносошные крестьяне Олонецкого уезда были обязаны исполнять солдатскую и драгунскую службу в полках, первоначально созданных исключительно для охраны русско-шведской границы. По принципу формирования полков, форме обучения и типу вооружения это были полки нового, или по-другому иноземного, строя. Солдаты и драгуны этих полков обучались военному делу по западноевропейским образцам офицерами, приглашёнными из-за рубежа, но, в отличие от военнослужащих других полков нового строя, олонецкие солдаты и драгуны не получали за службу жалованья. На протяжении нескольких лет (1649—1653 гг.) их единственным вознаграждением считалось освобождение от уплаты тягла (данных и оброчных денег), и только начиная с 1654 г., когда в нарушение данного крестьянам обещания не высыпать их на « дальние службы » олонецкие полки были отправлены на войну с Речью Посполитой, за нахождение в походной армии, участие в боях и осадах, пашенным солдатам и драгунам стали выплачивать жалованье (деньгами и продуктами)¹. Освобождение солдатских дворов от уплаты тягла при этом сохранялось.

Крайне важно подчеркнуть, что в солдаты записали не всех черносошных крестьян Олонецкого уезда, часть из них была выделена в особую группу так называемых «охудальных» крестьян. До настоящего времени в существующей историографии вопрос о критериях, по которым прибирали в солдаты или, наоборот, не прибирали, а записывали в категорию «охудальных», не получил должного освещения и в нём сохраняется много неясности.

В данной статье будет предпринята попытка выяснить, на основании каких критериев часть черносошных крестьян Олонецкого уезда была освобождена от солдатской службы и отнесена к группе «охудальных».

Историография, источники

Со времён выхода в свет очерков по истории Карелии XVI—XVII вв. Р. Б. Мюллер в историографии утвердилось мнение, что группу «охудальных крестьян» Олонецкого уезда составляли его беднейшие жители [22: 131]. По словам исследовательницы, первоначальный проект введения солдатской службы, предполагавший привлечение к службе всего трудоспособного населения Заонежских и Лопских погостов, не был осуществлен в таком виде, так как выяснилось, что в регионе было много крестьян с трудом тянувших своё хозяйство, задолжавших или совсем безземельных, которые по причине своей крайней бедности не могли нести солдатскую службу [22: 131]. Р. Б. Мюллер отметила, что все сколько-нибудь зажиточные крестьяне в возрасте от 20 до 50 лет были вписаны в солдатские списки, а в группу «охудальных» были включены только совсем маломощные хозяева [22: 131].

Таким образом, Р. Б. Мюллер предположила, что крестьянское население поделили на солдат и «охудальных крестьян» на основании их зажиточности или бедности, хотя и сделала оговорку, что точный критерий, каким руководствовалась администрация при зачислении хозяйства в «охудалое», неизвестен [22: 131]. Тем не менее вполне очевидно, что в качестве основного критерия деления населения на две группы Р. Б. Мюллер признавала экономическую обеспеченность хозяйства, необходимую крестьянам для несения солдатской и драгунской службы.

¹ В мае 1654 г. перед отправкой олонецких пашенных солдат на войну с Речью Посполитой им было выдано жалованье по 3 рубля человеку [17: 576]. В 1658 г. царским указом им было велено давать жалованье на месяц по 20 алтын, а также по четверику сухарей, по две гривенки соли человеку и по четверику крупа и толокна на четырех человек [18: 34—35]. В 1663 г. олонецкие драгуны получили «на подъем» по 4 рубля, а солдатам было велено давать на месяц поденно по 1 алтыну, а также хлеб и сухари [18: 469].

Ввиду того что «охудалые крестьяне» были освобождены от солдатской службы, они продолжали уплачивать тягло, называвшееся в период существования института пашенных солдат «охудалым», как и сами крестьяне, это тягло уплачивавшие. Важно заметить, Р. Б. Мюллер полагала, что «охудалые крестьяне» несли тягло в пониженном размере [23: 394].

Т. В. Старостина также придерживалась точки зрения Р. Б. Мюллер о крайней бедности «охудалых» крестьян. Такой вывод следует из её слов, что в солдаты не писали только «со-всем «охудалых» или монастырских крестьян» [25: 3]. А. Ю. Жуков и А. С. Рыжков, упоминая «охудалых крестьян», в скобках делали пояснения, что это были беднейшие крестьяне [21: 109], [24: 270]. И. А. Чернякова, изучив землевладение и землепользование чернососных, монастырских, помещичьих и обельных крестьян в Карелии XVII века, не выделяла отдельно группу «охудалых крестьян» [27]. Е. Д. Суслова, рассмотрев в своей диссертации вопрос о службе причетников и детей клириков в пашенных солдатах, выявила, что, стремясь избежать службы, они принимали духовный сан или испрашивали для себя статус «охудалых» [26: 21].

В нескольких ранее опубликованных статьях мы вслед за Р. Б. Мюллер, Т. В. Старостиной, А. Ю. Жуковым и А. С. Рыжковым так же отождествляли «охудалых крестьян» с беднейшими жителями Олонецкого уезда [19: 104], [20: 110—111]. Однако в ходе дальнейшего изучения источников, содержащих сведения о крестьянах этого приграничного региона в период существования института пашенных солдат (1649—1666 гг.), выявились случаи, не вписывающиеся в концепцию, предложенную Р. Б. Мюллер. В частности, некоторые «охудалые крестьяне» являлись крупными кредиторами в отношении «волосных людей» или занимали должности старост и целовальников, что также подразумевает определённую материальную обеспеченность. Это привело нас к мысли о необходимости более глубокого исследования вопроса о том, кем являлись олонецкие «охудалые крестьяне» и почему их не прибирали на солдатскую службу. Мы убеждены, что изученный нами комплекс документов, включающий актовые материалы, переписную книгу 1657 г. солдатского высыльщика Ивана Семёновича Дивова и бюджетные сметы доходов и расходов Олонецкого уезда, дают основание значительно уточнить и дополнить существующую в историографии точку зрения по этому вопросу.

«Охудалые крестьяне»

В выпуске словаря русского языка XI—XVII вв., вышедшем в свет в 1988 г., прилагательное «охудалый» трактуется как обедневший и приводятся ссылки на два опубликованных документа за 1611 и 1627 гг. [28: 88]. Также в словаре дано определение «охудалого тягло», понимаемое составителями как «тягло с предоставлением льгот обедневшим крестьянам». При этом в данном случае в подтверждение такой трактовки приведена цитата из документа фонда «Олонецкая воеводская изба» от 1664 г.: «А в прошлые годы я холоп платил охудалое тягло ... а ныне на мне холопе правят» [28: 88].

Мы обратились к полному тексту цитируемого документа¹ и определили, что этот акт является челобитной солдата Шуйского погоста деревни Бесовец Ивашки Иванова с просьбой

¹ Документы фонда «Олонецкая воеводская изба» доступны автору в оцифрованном виде в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии, действующей с 2004 г. на историческом факультете ПетрГУ под руководством к. и. н., доцента И. А. Черняковой, где в рамках проекта, поддержанного РФФИ и РГНФ в 2005—2007 гг., эти документы были прочитаны и транслитерированы силами студентов и соискателей. В настоящее время документы проходят завершающую стадию редактирования и будут опубликованы в сети Интернет в виде полнотекстовой базы данных в сопровождении каталога заголовков дел. Поиск цитируемого документа показал, что в словаре ошибочно дана ссылка на картон 6. На самом деле документ хранится в картоне 5.

о снятии с него «охудалого тягла» и позволении служить в солдатах, как прежде [13: 1]. Вывод составителей словаря о том, что «охудалое тягло» предоставляло обедневшим крестьянам льготы, сделанный на основании этой челобитной, не может считаться обоснованным, так как в документе нет никаких указаний ни на бедность челобитчика, ни на какие-либо льготы, которые у него были в период уплаты «охудалого тягла». Ивашка Иванов действительно сообщил, что в прежние годы платил «охудалое тягло», и пожаловался, что после того как был записан в солдаты и, следовательно, должен был быть освобождён от уплаты тягла, староста продолжал требовать с него деньги и государев четвертной хлеб как с «охудалого». Таким образом, в документе не было речи о том, что «охудалое тягло» было льготным. Это было тягло, уплачивавшееся крестьянином, не прибранным на солдатскую службу.

Подытожим, один и тот же человек – Ивашка Иванов из деревни Бесовец Шуйского погоста – сначала был «охудальным крестьянином» (то есть очень бедным, в соответствии с существующей в историографии точкой зрения), потом был прибран в солдаты. Возникает вопрос: что изменилось в положении этого «охудалого крестьянина», так что стало возможным записать его в солдаты? Если развивать концепцию Р. Б. Мюллера, то придётся предположить, что улучшилось его материальное положение и он из группы беднейших перешёл в группу более обеспеченных. Однако, во-первых, таких сведений в изученных источниках нет; во-вторых, совершенно неясно, как материальное положение могло улучшиться в течение всего нескольких лет.

Попробуем объяснить данную ситуацию с иной точки зрения. Дело в том, что имя Ивашки Иванова зафиксировано в перечне «охудальных крестьян» в переписных книгах солдатского высыльщика И. С. Дивова в 1657 г. [15: 1077об.]. В то время ему было 14 лет и по возрасту он не подходил для солдатской службы (Дивов записывал в солдаты с 15 лет). В переписных книгах 1657 г. нет сведений об отце или братьях Ивашки Иванова. Вероятно, в то время он был единственным мужчиной во дворе. Важно подчеркнуть, что, если со двора хоть один мужчина был прибран на солдатскую службу, остальные члены семьи, проживавшие с ним в одном дворе, получали статус солдатских родственников или захребетников. Следовательно, если Ивашка Иванов не являлся солдатским родственником, значит в 1657 г. у него не было родственников-солдат, которые проживали бы с ним в одном дворе. После достижения 15-летнего возраста, в период между 1658 и 1662 гг., он был внесён в солдатские списки, что подтверждается его челобитной. Однако в связи с тем, что после «разбора» на очереди, произведённого в 1663/64 г. стольником Петром Зиновьевым, имя Ивашки Иванова «в книги не попало» и староста снова стал «править» на нём тягло, крестьянин подал челобитную с просьбой разобраться в сложившейся ситуации и велеть ему снова служить в солдатах «как прежде», а старосте не велеть «править» с него «охудалое тягло». Резолюция была положительной. Было велено внести его имя в солдатские списки вместо корелянина, записанного в солдаты «не делом», а «охудалое тягло» не править [13: 1об.].

Разобранный случай, во-первых, показывает необоснованность на примере данной челобитной определения «охудалого тягла» как тягла с предоставлением крестьянам льгот, а во-вторых, демонстрирует явление, на которое ранее в историографии не обращали внимания, а именно случаи перехода «охудальных крестьян» в солдаты и обратно. На протяжении всего периода существования солдатской службы крестьяне Олонецкого уезда могли переходить из пашенных солдат в «охудалые крестьяне» (и, как следствие, они снова должны были уплачивать тягло, называвшееся в то время «охудальным») или из «охудальных крестьян» в пашенные солдаты (в этом случае, наоборот, приобреталось освобождение от упла-

ты тягla). Выявление таких переходов подтверждает нашу мысль о необходимости пересмотра вопроса о критериях разделения черносошного населения в период с 1649 по 1666 гг. на пашенных солдат и «охудальных крестьян» и уточнения, действительно ли бедность являлась основанием для зачисления в «охудальных».

На основании изученных источников мы выяснили, что солдаты могли перейти в группу «охудальных крестьян», если становились не годными к службе по состоянию здоровья или в результате достижения преклонного возраста при условии, что с их двора больше некого было прибрать на службу. Также солдатские отцы, то есть крестьяне, сами к службе не годные, в случае смерти или гибели их сыновей-солдат, переводились в состояние «охудальных», то есть с них снималась льгота по освобождению от тягла, но только в том случае, если во дворе больше не было мужчин, годных к службе. В подтверждение приведём сведения из источника о крестьянине Шуйского погоста Сергушке Васильеве сыне Готушкове. В период до 1655 г. он и его сын Тимошка служили солдатскую службу, потом Тимошка погиб, а его отец подал челобитную с просьбой об освобождении его от службы из-за старости и о записи в «охудальные крестьяне» [2: Зоб.], [7: 1об.]. Наказная память по этой челобитной проливает свет на критерии записи в группу «охудальных». Сергушке было велено «для одиночества и старости быти в охудал[ых] крестьянях». При этом перечислялись все условия, необходимые для перевода в «охудальные»: если «тот Сергушка будет семидесяти лет¹, а сын его Тимошка будет ум[ер], а иных детей у него будет нет, и в салдацкую службу б[удет] из двора его написати некого, и тебе б тому Сергушки впр[едь] велет[ь] быти в охудальных» [7: 1об.]. Также вероятно, для определения размера тягла — было велено сообщить воеводе, «сколько под ним тяглого участ[ка] живущей и оброчной и пустые земли вытным числом» [7: 1об.]. Таким образом, из приведённого примера очевидно, что в группу «охудальных крестьян» зачисляли и бывших солдат, если сами они по возрасту уже не могли служить и больше со двора в солдаты записать было некого.

В то же время «охудальные крестьяне» могли стать солдатами, как в рассмотренном выше случае с Иваном Ивановым, или солдатскими родственниками, когда с их двора кого-либо прибирали на службу. Это приводило к освобождению двора от уплаты тягла. Для подтверждения нашего вывода особенно важны случаи, когда из категории «охудальных» в категорию солдатских родственников переводили увечных, то есть не годных к службе крестьян. Так, в 1657 г. в Важенском погосте Иван Дивов написал в перечень солдатских родственников, не годных к службе по возрасту или состоянию здоровья (книга 7), «вновь из худальных» увечного солдатского брата Симачку Панфилова, а с ним его племянника, солдатского сына, 11-летнего Сенку Агапитова [15: 1094об.]. Нами установлено, что отец Сенки и брат Симачки — Агапитко Панфилов был прибран в солдаты Дивовым в 1657 г. [15: 339], и именно это привело к переводу Симачки и Сенки из категории «охудальных» в категорию солдатских родственников, несмотря на то что сами они в службу были не годны, один по причине увечья, другой по возрасту.

В восьмой из переписных книг Дивова с перечнем «охудальных крестьян», бобылей, вдов и их родственников из 1052 имён нами выявлено 27 случаев, когда в категорию «охудальных» были записаны или бывшие солдаты, которые состарились, получили увечье или тяжело заболе-

¹ В историографии принято, что с 1649 г. в солдаты в Олонецком уезде записывали крестьян в возрасте от 20 до 50 лет [22: 131], а с 1657 г. — с 15-летнего возраста. В связи с этим указанный возраст — 70 лет — значительно превышает принятый в историографии предельный возраст службы в солдатах. Полагаем, что это либо описка, либо пример того, как по-разному реализовывался указ о записи в солдатскую службу в отношении отдельных крестьян.

ли, или бывшие солдатские отцы, братья или племянники, потерявшие после смерти солдата-родственника право не уплачивать тягло.

Формулировки напротив имён в выявленных случаях были даны разные: от кратких («вновь охудалой», «написан вновь в охудалые» или «из солдатских отцов вновь в охудалые») до развернутого объяснения, почему производился такой перевод. Не в каждом случае нам удалось выяснить причину перевода в «охудалые крестьяне», но некоторые факты довольно убедительны.

Вот три пояснения из восьмой книги Дивова о переводе в «охудалые»: «Михалка Фёдоров был в салдатах и по досмотру околничего и воеводы Василья Александровича Чоглокова отставлен из салдат и ныне быть в охудалых» [15: 1085]; «Ивашко Маркелов да брат ево Митрошка по государеве грамоте из салдат отставлены, бы[ты] им обоим в охудалых, у Митрошки три сына Ивашко 11 лет, Сенка 10 лет, Ивашко 9 лет» [15: 1087—1087об.]; «Филка Кручинин по досмотру из салдат отставлен, потому что на брюхи вал прогрызло и быть ему в охудалых» [15: 1093].

Также приведём факты о переводе в «охудалые» солдатских родственников по причине гибели на службе их сыновей, отцов и других членов семьи. Так, в Шунгском погосте в «охудалые» были переведены солдатский отец Курявка Меркульев (у него умер сын-солдат Гришка Куренков), Роспутка Еремеев с двумя внуками 11 и 8 лет (у него умер сын-солдат Гаврилка Роспутин), Васка Семёнов (его сын-солдат Дмитрийко Васильев сбежал в 1650/51 г.), Климко Июдин (его отец-солдат Июдка Васильев умер «на Великих Луках») [15: 1083—1084]; в Выгозерском погосте — Ортёмко Еустафьев (его сын-солдат Сергушка Артемьев был убит на службе), Осташко Терентьев (его сын-солдат Савка Осташев умер), Ивашко Козмин (два его сына-солдата умерли: Кондрашко Иванов — в Витебске, Конашко Иванов — «на Великих Луках»), Юрейко Наумов (его сын-солдат Петрушка Юрьев был убит под Озерищами), Семешка Константинов с внуком Овдокимком Томилиным 11 лет (два его сына-солдата умерли: Томилка Семёнов умер в Вялиже, Сергушка Семёнов был убит под Сурошком) [15: 1085—1086об.]; в Кижском погосте — Созонко Фёдоров (его сын-солдат Ивашко Созонов умер в Усвяте), Жданко Левонтьев с сыном Марчком и внуком (правнуком) Микифорком Шумилиным (в этой семье погибли три солдата — сыновья Марчко: Савка и Ивашко Марковы были убиты в Озерищах, а Шумилка Марков — умер «на Олонце») [15: 1087—1091об.]; в Важенском погосте — Павелко Микитин (два его сына-солдата умерли: Прошка Павлов был убит на службе, Степашко Павлов — умер дома) [15: 1094—1094об.].

Выходы

Проведенный нами анализ показал, что черносошных крестьян Олонецкого уезда в период с 1649 по 1666 гг. делили на пашенных солдат и «охудалых крестьян» вовсе не на основании их хозяйственной обеспеченности, а по критерию наличия или отсутствия во дворах мужчин, годных по возрасту и состоянию здоровья к несению солдатской службы. Даже если это были дворы бедных крестьян или у них был совсем небольшой участок земли, но во дворе проживали годные к службе мужчины, этих мужчин записывали в солдатские ряды, а дворы освобождали от тягло. В подтверждение нашего вывода приведём ещё некоторые данные источников.

Во-первых, среди актов Олонецкой воеводской избы есть челобитные «охудалых крестьян» с жалобами на других крестьян и солдат, задолжавших им крупные суммы денег [3: 1—2]. Совершенно очевидно, что беднейшие крестьяне не могли оказаться в роли кредиторов, наоборот, они зачастую являлись долгниками.

Во-вторых, в документах встречаются данные о старостах и целовальниках, которые являлись «охудальными крестьянами» [10: 1 с об.], [11: 1]. Как известно, существовало требование на должность старосты выбирать людей «добрых», «прожиточных», то есть тех, которые в случае недоимки или в случае необходимости внести в казну сразу большую сумму денег могли это сделать из собственных средств, с тем чтобы впоследствии взыскать эти средства с волостных людей.

В-третьих, когда летом 1649 г. воеводы Волконский и Елагин «пересматривали» крестьян на предмет их годности к службе, они выяснили, что с некоторых дворов им некого взять в солдаты, так как в этих дворах жили старые, больные, увечные крестьяне или вдовы с малыми детьми. Воеводы сообщили, что хотели заставить этих крестьян «наймать в их место» кого-нибудь, однако старосты им сказали, что люди те «маломочные» и денег на найм у них нет. Тогда воеводы сделали запрос в Москву, как им поступать с этими крестьянами, жившими на тяглой земле. Мы не знаем, что ответили из центра. Ни в одном из сохранившихся документов ответ на этот вопрос не содержится. Что касается слов старост о том, что все перечисленные люди являются «маломочными», то эти слова можно подвергнуть сомнению. Из других источников известно, что старосты периодически уличались в представлении ложных сказок — с целью, например, скрыть часть дворов и людей в них от переписчиков [16: 168—170]. Так они могли и в данном случае скрыть настоящий уровень зажиточности некоторых крестьян, во дворах которых не было мужчин, годных по возрасту и состоянию здоровья к несению солдатской службы.

Кроме того, следует обратить внимание, что старосты, а вслед за ними и воеводы, говоря о бедных крестьянах, употребляли понятие «маломочные», а не «охудальные». Это также может свидетельствовать в пользу нашего вывода, что понятие «охудальные крестьяне» употреблялось в период существования института пашенных солдат для обозначения не самых бедных, а категории крестьян, с дворов которых некого было взять в солдаты.

Конечно, многие «охудальные крестьяне», действительно, могли быть бедными. Старость, увечность, болезнь ограничивали возможность преуспеть в тяжелом крестьянском труде. Также, вероятно, и большинству вдов с малыми детьми ведение хозяйства давалось тяжело. Тем не менее, выше уже были упомянуты «охудальные крестьяне» — кредиторы, ссужавшие волостным людям немалые деньги. В таких случаях «охудальными крестьянами» являлись не бедняки, а зажиточные хозяева, которые, однако, в силу своего преклонного возраста или по состоянию здоровья не подходили под критерии годности к солдатской службе, а сыновей подходящего возраста или состояния здоровья у них не было. Возможно, в семье вовсе не было сыновей, а были только дочери. Таким образом, и зажиточные крестьяне могли оказаться в категории «охудальных». Это подтверждает ещё один документ — наказная память пушкарю Томиле Сафонову, направленному в 1651 г. в погосты Олонецкого уезда для разрешения спорных ситуаций при расселении «сошлых крестьян», возвращённых на места прежнего жительства. Как выяснилось из наказной памяти, вернувшиеся «сошлые крестьяне» подали воеводе жалобу на местных солдат и «охудальных крестьян», которые заняли их землю и теперь «владеют многими участками, участка по два и по три и по четыре и по пяти и болши» [1: 156]. Полагаем, что перечисление в жалобе «охудальных крестьян» в одном ряду с солдатами и сообщение, что все они владеют несколькими участками, свидетельствует против мнения о малоземельности как об одном из основных критерии зачисления в группу «охудальных крестьян».

Здесь важно ещё раз подчеркнуть, что «охудалое тягло», уплачиваемое «охудальными крестьянами», вовсе не было ниже обычного тягла, которое взималось с черносошных кре-

стяян до введения службы пашенных солдат. Оно было точно таким же. Об этом свидетельствуют бюджетные сметы Олонецкого уезда, в которых о крестьянах, прибранных в солдаты, написано, что они от уплаты оброчных и данных денег освобождены, а «охудалым крестьянам» следовало тягло «платить по прежнему» [14: 22], а так как до введения службы категории «охудалых крестьян» в Заонежских и Лопских погостах не существовало и не существовало «охудалого тягла», будет справедливым признать, что для не записанных в солдаты крестьян тягло осталось в прежнем размере. Это еще раз подтверждает, что государство не выделяло среди крестьян категорию беднейших и не давало «охудалым крестьянам» никаких льгот в уплате тягла. Вся политика, проводимая в это время в Олонецком уезде, была подчинена реализации мероприятий по организации солдатской службы, поэтому и крестьян делили на две категории: солдат и их родственников, которые проживали с ними в одном дворе, и в этом случае дворы освобождались от тягла, и «охудалых крестьян», с дворов которых некого было взять в солдаты, поэтому им не полагалось освобождение от тягла, они платили его «по прежнему». В 1665 г., за год до отмены службы пашенных солдат, воевода В. А. Чоглоков сообщил в Москву о записи 1461 солдата «для старости в охудалые в тягло» [18; 672]. Подчеркнем, что определяющим критерием для зачисления в группу «охудалых» в данном случае послужила «старость», а не «бедность».

Таким образом, наше исследование совершенно определенно показало, что разница между группами пашенных солдат и «охудалых крестьян» заключалась не в материальной обеспеченности, а в наличии или отсутствии во дворе мужчин, годных к несению солдатской службы, и от этого обстоятельства крестьянский двор мог приобрести либо статус солдатского и быть освобожденным от тягла, либо статус «охудалого» и быть обязанным тягло уплачивать.

Источники и литература

Опубликованные источники:

1. 1651, апреля 6. — Наказная память олонецкого воеводы Чоглокова пушкарю Томиле Софонину о водворении государевых сошлых крестьян в Заонежских погостах и Лопских волостях на прежних их участках и о сборе полоняничных денег // АИ. Т. IV. № 51. С. 155—156.

Неопубликованные:

НАУЧНЫЙ АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН
 ФОНД 98. ОЛОНЕЦКАЯ ВОЕВОДСКАЯ ИЗБА

2. 1655, марта 14. — Список с наказной памяти старосте Шуйского погоста Петрушке Макарову по челобитной крестьянина Шуйского погоста Сергушки Васильева сына Готушкова по поводу солдатской службы // К. 3. Д. 16 (а). Сст. 3 об.
3. 1658, октября 10. — Челобитная «охудалого крестьянина» Сергички Васильева сына Готушкова на бывшего старосту Шуйского погоста Калинку Насонова и волостных людей Данилу Ондреева и других в неуплате кабального долга // К. 2. Д. 86. Сст. 1—2.
4. 1658. — Челобитная солдата Кижского погоста Великогубского конца Яндомозерской волости Васки Кондратьева с просьбой освобождения от службы из-за болезни и переводе в «охудалые крестьяне» // К. 2. Д. 92/1. Сст. 1 с об.
5. Не ранее 1659. — Челобитная крестьянина Лопского Селецкого погоста Гимольской выставки деревни Вонгерской Ортюшки Стакиева об отмене распоряжения о высылке его на государеву службу и о переводе его в «охудалые крестьяне» по его болезни и бедности и необходимости

кормить семью его брата, который служит в солдатах далеко от дома уже шестой год // К. З. Д. 22. Сст. 1.

6. 1660, январь. — Дело об отказе крестьян и солдат того же конца различных волостей Левки Макарьева с товарищами (более 6 человек) возвращать «охудалому крестьянину» того же конца Федке Евсееву пособные деньги за 1658/59 г., уплаченные последним за них на Олонце // К. З. Д. 14. Сст. 1—3.
7. 1661, июль. — Список с наказной памяти воеводы Василия Александровича Чоглокова по челобитной Шуйского погоста Сергушки о переводе его в «охудальные крестьяне» в случае, если подтвердится, что он стар, сын его Тимошка умер, а иных родственников нет и взять на службу некого // К. З. Д. 16 (т). Сст. 1об.
8. 1661, апреля 9. — Челобитная «охудалого крестьянина» Никольского Шунгского погоста Роспутки Ульянова с жалобой на старосту Дружину Федорова и других (всего 5 имен) и на всех жителей погоста в том, что челобитчик заплатил свои деньги в городе Архангельске за замену разбитого колокола по посыльной записи, а мирские люди ему их не вернули // К. 4. Д. 22. Сст. 1 с об.
9. Б/д. — Челобитная увечного солдата Олонецкого погоста деревни Аннютосы Гордюшки Игнатьева о выписке из солдат и зачислении в «охудальные крестьяне» из-за старости, бедности и болезней его и матери // К. 4. Д. 115. Сст. 1об.
10. 1663/64. — Челобитная «охудалого крестьянина» Якушки Копьева из Шуйского погоста Пялозерской волости Мунозерского конца, выбранного в целовальники кружечного двора, с просьбой об освобождении его от уплаты солдатских расходов за старосту и волостных людей Мунозерского конца // К. 4. Д. 118. Сст. 1 с об.
11. 1664, января 4. — Челобитная «охудалого крестьянина» старосты Шунгского погоста Паверки Иванова за всех «охудальных крестьян» об отсрочке до летнего водного пути высылки денежных и хлебных выплат за три года, так как провоз их по зимнему пути дорог // К. 5. Д. 1. Сст. 1.
12. 1664, января 18. — Челобитная бывшего пономаря Тубозерской волости Георгиевского Толвуйского погоста Ивашки Пантелеева, отставленного от церковной должности по старости, с просьбой о записи его в число «охудальных» крестьян и о передаче «выморочного» солдатского участка, которым пользуются, не уплачивая податей и оброка, солдатский отец Панкрашка Ананьин с детьми // К. 5. Д. 19. Сст. 1 с об.
13. 1664, марта 8. — Челобитная солдата Шуйского погоста деревни Бесовец Ивана Иванова о снятии с него «охудалого тягla» и позволении служить в солдатах, как прежде // К. 5. Д. 56. Сст. 1.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

ФОНД 137. БОЯРСКИЕ И ГОРОДОВЫЕ КНИГИ.

14. 1650. — Олонца города сметной список окладным и неокладным всяким денежным доходам и сборам, и сколько сих денег издержано // Ф. 137. Олонец. Д. 2. 63 л.
15. 1657. — Переписные книги солдат и крестьян Заонежских и Лопских погостов Ивана Семеновича Дивова 1657 г. // Оп. 1. Олонец. Кн. 5. 1130 л. с об.

ФОНД 141. ПРИКАЗНЫЕ ДЕЛА СТАРЫХ ЛЕТ

16. 1649. — Дело о наборе из Заонежских погостов крестьян для салдатских драгунских полков Александра Гамента да Мартина Кармихела // Ф. 141. 1649. Д. 29. 368 л.
17. 1652. — Дела по челобитьям разных служилых иноземцев, просящих о государевом жалованье // Ф. 141. 1652. Д. 79. 369 л.
18. 1659. — Дело о выдаче Олонецким и Заонежским начальным людям казакам и солдатам государевого хлебного и денежного жалованья. Тут же и другие разные воинские дела разных городов солдатам // Ф. 141. 1659. Д. 19. 694 л.

ЛИТЕРАТУРА

19. Брусницына Д. В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 31. С. 104—118.

20. Брусницына Д. В. Переписные книги Ивана Дивова 1657 г. как источник по истории карельских пашенных солдат // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований. 2012. № 21 (101). С. 108—117.
21. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2003. 256 с.
22. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1947. 176 с.
23. Мюллер Р. Б. Карелия в XVII веке: Сборник документов. Петрозаводск: Госиздат. К.—Ф. ССР, 1948. 442 с.
24. Рыжков А. С. Опыт составления электронной базы данных по переписным книгам карельских пашенных солдат Ивана Дивова // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI – XX веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М.: Древлехранилище, 2008. С. 269—274.
25. Старостина Т. В. Пашенные солдаты: К 450-летию русской регулярной армии // Военный вестник: Ежемесячный военно-патриотический историко-культурный альманах. 2000. № 7. С. 3. [Приложение к газете «Карелия» № 47 (646). 21 июля 2000].
26. Суслова Е. Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV – начале XVIII в. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к.и.н. Специальность 07.00.02. – Отеч. история. СПб., 2012. 31 с.
27. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 295 с.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

28. Словарь русского языка. Вып. 14. М.: Наука, 1988.

